

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
ФОНАРИК.....	9
СОЛДАТ И ДЕВУШКА.....	23
ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ГИМНАСТЕРКАХ.....	39
ИЖДИВЕНЦЫ.....	47
СЕМЕЙНЫЕ МОДЫ.....	56
«ПОМЕНЬШЕ ХЛЕБУШКА, ПОБОЛЬШЕ СУПЧИКУ!».....	65
МАЛЫШНЯ.....	71
АФРОДИТЫ, УДУШЛИВАЯ И ЛЕГКАЯ.....	82
ТРУДЫ И ДНИ.....	90
СИНЕНЬКИЙ СКРОМНЫЙ ПЛАТОЧЕК.....	98
ШПИОНЫ И АМЕРИКАНЦЫ.....	110
ТИГРО-МАКСИМЫ.....	120
В ГОРОДЕ И В МИРЕ.....	128
МАМИНЫ КНИГИ И БОЛЕЗНИ ЭДИКА.....	136
ЭЛЕКТРОТЕХНИКА.....	144
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА.....	149
НОВЫЙ ГОД.....	158
ВОЕННЫЕ ПОХОРОНЫ.....	171

Полная версия: <https://www.alpinabook.ru/catalog/book-u-nas-byla-velikaya-epokha/>

Полная версия: <https://www.alpinabook.ru/catalog/book-u-nas-byla-velikaya-epokha/>

*Родителям моим:
Вениамину Ивановичу Савенко
и Раисе Федоровне Зыбиной*

Полная версия: <https://www.alpinabook.ru/catalog/book-u-nas-byla-velikaya-epokha/>

Полная версия: <https://www.alpinabook.ru/catalog/book-u-nas-byla-velikaya-epokha/>

Предисловие

Эта книга — мой вариант Великой Эпохи. Мой взгляд на нее. Я пробился к нему сквозь навязанные мне чужие. Я уверен в моем взгляде.

Несколько уточнений.

Поляроидные вспышки просыпающегося сознания лейтенантского сына соседствуют в книге с кадрами, сделанными объективом зрелого дяди-писателя. Вспышек сознания оказалось недостаточно, чтобы картина не выглядела загадочной. Семейный альбом пополнен, таким образом, групповыми, пейзажными и аэрофотоснимками.

Мой взгляд — не глазами жертвы эпохи, ни в коем случае не взгляд представителя интеллигентского класса, но из толпы народной. В известном смысле, мой вариант эпохи — фольклорный вариант.

Книга документальна в том широком смысле, что вместе с подлинной историей моей простой семьи в ней сохранена и мифология того времени. И сохранены намеренные ошибки коллективного народного сознания, смещение дат, например, или приобщение к народному сословию тех, кто нравился народу. Так, к примеру, харьковчане Великой Эпохи считали свою прославленную землячку Клавдию Шульженко бывшей пэтэушницей, в то время как она была из приличной интеллигентской семьи и директриса ее гимназии говорила с учениками только по-французски. Однако я оставил Шульженко пэтэушницей, ибо такой она была мила нам в 1947 году, и гимназия в ее биографии нам бы тогда не понравилась. Безусловно и то, что «Александра Невского» Эйзенштейн снял в 1938 году, а не в 1942-м; но так уж точно пришелся фильм в контекст зимы 1941–1942 годов, что народ Великой Эпохи поместил его аккуратно

в ту трагическую Зиму. Народ всегда старался истолковать Историю по-своему и в свою пользу.

В книге читатель обнаружит большое количество сапог, портянок, погон, галифе и оружия. Внук и племянник погибших солдат и сын солдата, я воздал должное этим атрибутам мужественности, несмотря на то что они не в чести у сегодняшнего гражданина. Жгучий комплекс неполноценности заставляет современного человека с энтузиазмом ревизионировать прошлое и Великую Эпоху в частности. Ей вменяют в вину обилие крови и трупов. Что ж, одни эпохи напоминают трагедии, другие — оперетты. Мои личные пристрастия я отдаю армии Жукова в битве за Берлин, а не «Шербурским зонтикам». Человека «героического» я активно предпочитаю «пищепереваривающему».

Автор

Фонарик

Весь мир уже был, а его еще не было. Самая большая война грохотала в стороне, на западе, здесь же, в самом сердце России, у вливания Оки в Волгу, было тихо. Выпускал в волжское небо дымов военный завод, спешно организованный вблизи большой старой деревни Растяпино. Деревню, обросшую бараками рабочих, переименовали в город имени Робеспьера русской революции поляка Дзержинского. Собранные поспешно из частей, гудели эвакуированные станки. Невыспавшиеся, небритые парторги бегали меж станков, воодушевляя, ругая и погоняя женщин, детей и стариков. Сквозь недошитые крыши цехов зияло местное небо. Сквозь прорехи помостов под ногами зияла грязь.

Завод производил бомбы и снаряды. Нужно было изготавливать как можно больше бомб и снарядов. За опоздание на работу больше чем на двадцать минут опоздавшего судил Военный Трибунал. Завод считался секретным, и потому его охраняли солдаты НКВД. Одним из солдат был его отец. Его мать работала на заводе. Однажды она опоздала на 21 минуту. Принимая во внимание ее молодость, мать простили, записав официально, что она опоздала на 19 минут. Мать работала техником. Двух лет учебы в химическом техникуме было в войну достаточно, чтобы работать техником. Однажды такой же юный, как мама, техник ошибся в химической формуле, и целый цех взлетел на воздух.

Мама его, но еще не мама, но девушка Рая Зыбина, ходила в беретике. Тогда была такая мода у всех Лили Марлен мира и с той, и с другой стороны. Однажды она поднималась по старой скрипучей деревянной лестнице в темноте, и отец, но еще не отец — солдат сверхсрочной службы

Вениамин Савенко — осветил ей дорогу. У отца был фонарик. Так они познакомились. Фонарик виноват.

Мама была местная. Она родилась в городе Сергач, той же, что и Дзержинск, Горьковской области. От Дзержинска эти места отделяют лишь ограниченные десятки километров. Мамина мама умерла, когда ей было два года, оставив Раю и сестру Анну (на несколько лет старше мамы) на отца. Мамин отец — Федор Никитович Зыбин — еще не погиб тогда на фронте, еще не был послан в штрафной батальон, но был всеми уважаемый директор большого ресторана в Горьком. (Бывший прекрасный Нижний Новгород. Кошунство переименовывать такие города!) На единственной сохранившейся фотографии Федор Никитович Зыбин, с квадратным, тяжелым книзу лицом, в барашковой папаше, комплектом к ней служит такой же воротник пальто, глядит крепко. Вышел он из старой волжской семьи. Доподлинно известно, что Федор Никитович родился в деревне Новь Нижегородской губернии. У отца его, Никиты Зыбина, было семеро детей — шестеро сыновей и одна дочь. Никита был староста деревни, уважаемый всеми крестьянин, и семью Зыбиных звали также и Никитины. Зыбины-Никитины слыли работающей семьей и любили землю. Никита Зыбин, высокий сильный мужик, в традиционных ледовых побоищах — играх на поверхности замерзшей реки, кулачных боях («стенка на стенку») с соседней деревней — всегда возглавлял деревню Новь. Зубами он мог поднять меру гороха. Читателю предлагается удивиться крепости его зубов. Однако сколько же это — «мера»? Кажется, равна пуду — то есть 16 килограммам...

Никита и Федор ушли из жизни оба в 1944 году. Сколько было каждому лет, неизвестно. Крестьянство на своих юбилеях не настаивало.

Рая Зыбина носила в ту эпоху, помимо беретика, жакет с большими пуговицами. На левой руке, чуть выше запястья,

у нее было вытатуировано крупными зелеными буквами ее имя: РАЯ. Позднее мама никогда не рассказывала сыну происхождение татуировки, отделяясь замечанием, что это «заблуждение юности». Известно, что, потеряв жену в 1923-м или 1924 году (Рая родилась в 1921-м), Федор тотчас женился. Мать с ужасом рассказывала сыну по меньшей мере об одной жестокой мачехе. Есть все основания предполагать, что независимый характер Раисы Зыбиной привел ее в детский дом, прежде чем в химический техникум, куда вернее, чем жестокость мачехи (впрочем, нескольких мачех). Где-то в атмосфере одного из этих заведений, детского дома или техникума, она и приобрела татуировку. В районе возраста шестнадцати лет. Заметим, что для того, чтобы вытатуировать себе имя на руке в 1937 году, в период великих строек коммунизма, всеобщей комсомольской активности, прорытия каналов и прочих массовых энтузиастских заблуждений века, девушке (!) следовало быть очень заблудшей. В конце пятидесятых годов мама вдруг решила отделаться от следа «заблуждений юности» и, заперевшись в ванной комнате коммунальной квартиры, облила татуировку соляной кислотой. В результате она вместе с заблуждениями едва не лишилась руки. Спрошенная сыном-подростком, почему она совершила подобную глупость, мама, стесняясь, сослалась на трагическую невозможность носить платья с коротким рукавом и на то, что жена советского офицера не может выглядеть как хулиганка. Очевидно, мидлклассовое сознание жены советского офицера пришло к маме с большим трудом, продираясь через какое-то другое сознание. Заметим, что сын Раисы Зыбиной, хотя и считался куда более крупным хулиганом в семье, так никогда и не вытатуировал на своем теле никакого знака...

Дабы покончить с семьей Зыбиных (грустно, но, увы, автору известно очень немногое об этой русской семье), добавим, что, кроме неизвестных автору темных пятен,

подозреваемых на репутации семьи, значатся несколько известных. Федор Никитович лишился места директора ресторана (и это в войну!) и угодил в штрафной батальон за... растрату. Благопристойное сознание Раисы Федоровны Зыбиной не позволяет ей сообщить сыну и миру о подробностях. Автор, видящий жизни человеческие как бы с птичьего полета или, по крайней мере, с высокой колокольни, приветствует заблуждения своих предков и относит их к числу достоинств. Ему приятно знать, что в жилах его течет кровь взбалмошных, беспокойных людей, по-своему выразивших свои страсти. Дедовские страсти привели его в поле под Ленинградом. И сгинул он в поле, вспаханном так круто немецкой артиллерией, почище Вердена, говорят, было вспахано это поле, что невозможно было найти ни единого дедовского куска. То есть кусков было много, больше, чем нужно, но кому они принадлежали, определить было невозможно... Сыну приятно знать, что, судя по татуировке, мать его не всегда была спокойной и правильной женой офицера. «Молодец, мамочка! Целую шрам на твоей руке!» Еще одно семейное пятно. У порядочных сестер Анны и Раисы существовал полубрат Борис. Брат жил в сельской местности недалеко от Сергача. Известно о Борисе Зыбине, что у него были одновременно: а) врожденная сердечная болезнь; б) он был сумасшедший. Однако, судя по тому, что у него были ульи (с ульями нелегко управляться) и ружье (ружье у сумасшедшего!), он ходил на охоту, — сумасшествие полубрата мамы было странное. Или очень легкое, или, может, даже и не сумасшествие вовсе... Известно, что русские люди употребляют слово «сумасшедший» и в качестве определения странного поведения. Так, необщительных людей порой называют сумасшедшими. У этого брата были необычные идеи, и, судя по воспоминаниям о нем, он скорее был натуральным философом и мизантропом, предпочитающим жить одному с пчелами и зверьми. Он

получал пенсию по инвалидности (сердце или сумасшествие?), и автор вспоминает письмо его к нему — племяннику: «Приезжай, будем ходить стрелять уток». Умер он в конце пятидесятых или начале шестидесятых годов в возрасте тридцати лет. Причиной смерти послужили пчелиные ульи. Их у него украли, и он очень переживал, а сердце-то больное, вот и не выдержало. Шел он по улице волжского Сергача, куда приехал за припасами, упал и умер. В Сергаче он и похоронен. (Автору этот дядя кажется похожим на героя романа Саши Соколова «Между собакой и волком».)

Мамина сестра, «тетя Аня», напротив, может быть охарактеризована как светлое пятно. Она вышла замуж за инженера Павла Рунова и впоследствии прожила какое-то количество лет «за границей» — в Финляндии. Павел Рунов не то учил финляндцев инженерству, не то учился у них. Из Финляндии, из города Турку, присылались регулярно цветные открытки: играющие в снежки розоволицые загорные мальчуганы в спортивных костюмчиках и вязаных шапочках с помпонами, толстобрюхие Деда Морозы в красных рубахах и тому подобное западное декадентство. Надписи золотыми чернилами на неизвестных языках были не менее праздничны, чем рисунки. В единственный приезд в Харьков тетки, племяннику было тогда 11 лет, он помнит, что старшая сестра относилась к его матери чуть покровительственно и несколько иронически, как бы и через много лет не уверовав в то, что у сестры ее, нате вот, — «путевая жизнь» и даже есть муж и сын... То есть автор допускает, что от матери его ожидали худшего, основываясь на неудачном начале жизни, первых 20 годах. Однако возможно, что здоровому дяде Лимонову, пишущему эти строки в сорока с лишним летнем почтенном возрасте, лишь чудятся семейные тайны там, где их нет? И что, будучи сам беспокойным баламутом и блудным сыном, он выискивает с надеждой признаки блудности в своих близких?.. После многих лет

в Финляндии Руновы стали жить в Горьком. У Анны и Павла имелись две дочери — Галка и Наташка, интриговавшие воображение двоюродного брата в течение всего периода полового созревания. Галка и Наташка, очевидно, теперь уже старые и толстые. Простой человек стареет рано.

Однако вернемся к фонарику. Судьбою человеческой управляет, безусловно, случай. Юноша-солдат спускался по лестнице и осветил девушке ступени. Пусть и не каждый день, немецкие «мессершмитты» прорывались тогда к тем местам, и посему подъезд был обязательно темен. Горело бы электричество, фонарик был бы не нужен, солдат не осветил бы ступени, они бы не познакомились, и не было бы Эдуарда. Планетам, и Млечному Пути, и Галактикам, может, это и все равно, но автор — заинтересованное лицо — одобряет выбор судьбы. И во всем этом замешаны фашисты, немцы. Надо же! И в затемнении, и в горе-злосчастье войны, которая, однако, бросила воронежского юношу Вениамина в волжские места на военный завод в Дзержинске.

Солдат родился в городке Боброве, в Воронежской губернии, через год после революции. Очевидно, это был скучный городок со старыми домами, пузатой водокачкой и круглыми деревьями. Городок — как мамин Сергач. Именно в таких старых городках и плодится русская нация. Именно в них не сменяющееся (как в больших городах) население высиживает поколениями, медленно, русских людей. Соседи женятся на соседях... Больших оригиналов порой производят такие города. Отец солдата, Иван Иванович Савенко, к моменту его рождения был бухгалтером элеватора. Внешность Ивана Ивановича, как это нередко бывает с украинцами, была совершенно и вопиюще восточной. Висячий, бульбою, нос, усы... Он был ужасающе похож на армянина. В период Первой мировой войны Иван Иванович, мирно ехавший с женою по железной дороге, был задержан полицией. По подозрению в том, что он есть

один из бежавших турок. Почему-то в Воронежской губернии содержались в заключении пленные турки (они, как известно, воевали супротив нас, на стороне немца). Недоразумение вскоре счастливо закончилось выяснением личности бухгалтера, но происшествие это (сообщенное автору женой Ивана Ивановича Верой Савенко, в девичестве Борисенко) проливает свет на происхождение семьи. Дед Иван Иванович и прадед Иван родились оба в деревне Масловка Воронежской губернии. Были они крестьянами. Однако, усложняя историю, на сцене появляется прабабушка. Без имени, увы. О ней известно, что она также была из деревни Масловка, крестьянка, и «трудилась на своем поле, и ходила по наймам, если это было нужно» (цитата из письма Раисы Савенко-Зыбиной). Прабабушка — это ведь жена прадедушки, необходимая, чтобы произвести на свет Ивана Ивановича с армянско-иранской внешностью. И восточная внешность, оказывается, унаследована дедом именно со стороны прабабушки, ходившей по найму. Ибо, по свидетельству бабки Веры Борисенко (она еще жива, ей 95 лет!), мать ее мужа была дочерью, родившейся от сожительства экономки царского генерала Звягинцева (Масловка была его имением!) и офицера-сотника, начальника личной охраны генерала. И сотник был чистейших кровей осетином!

Все эти дела давно минувших дней интересны сливом воедино различных кровей, распределением народа по территории России и результатом, то есть поглядеть можно, из каких групп населения что же получается. Безусловно, в должный срок все умирают. Однако, как видим, крестьянин Иван родил Ивана, который уже был бухгалтером. Налицо социальный сдвиг. Бабка Вера «очень хотела стать барыней, да революция помешала», — высмеивала ее позднее невестка Раиса. Иван Иванович неплохо зарабатывал и успел купить хороший дом в городе Лиски, недалеко от Боброва.

В половине его до сих пор живет бабушка Вера. Было куплено и столовое серебро. Невестка, не любившая мать мужа, рассказывала также, что бабка всегда любила вкусненько поесть, одеться и относилась к жизни легко. «Бог даст день — Бог даст пищу» — было бабкиной любимой поговоркой, так сказать, ее жизненным кредо.

На одной из семейных фотографий, помнит внук, две сестры: Вера и Паня (очевидно, Паня было производным от Прасковьи... Бабушка присылала внуку ласковые открытки, начинавшиеся «Эдинька, радость, прелесть и пончик!», но внук так никогда и не сподобился повидать ее)... в каких-то темных мехах вокруг шей и в меховых шапках — выглядят чопорно и мидлклассово. Когда сделан фотоснимок — неизвестно.

Вера и Иван произвели на свет дочь Алю (очевидно, Алевтину) и двух сыновей: Вениамина и Юрия, погибшего в возрасте 19 лет. На дядю Юрия этого, развивавшего тело с помощью гирь, и был похож, как утверждает отец, в соответствующем юном возрасте Эдуард. (И по характеру тоже. Глядя в зеркало, дядя воскликнул однажды: «Ах, какой же я красивенький!») Брошенный защищать Родину, судя по нескольким злым замечаниям Вениамина Савенко, с недостаточным запасом боеприпасов, зеленый, необстрелянный дядя Юра погиб вместе с толпой таких же юных солдатиков в поле под Псковом, перепаханном немецкой артиллерией и авиацией. Опять-таки, как и в случае деда Федора, даже и кусочка не удалось найти... Да и кто там в кровавом вареве копался...

Иван Иванович умер в возрасте тридцати лет от скоротечной чахотки. Был он убран болезнью с лица земли всего лишь в три дня. На третий день больной почувствовал себя лучше, встал, умылся, побрился, походил по дому... Устал как будто. «Что-то мне нехорошо, Вера, я прилягу!» Лег, от-вернулся к стене и умер.

У бабушки Пани была дочь Лидия. Вот ее-то племянник Эдик посетил во вполне зрелом возрасте 21 года в городе Рига. Лидия сделалась адвокатом и родила дочь Ларису. На племянника тетка произвела впечатление женщины истеричной и чрезвычайно несчастливой. У Али от мужа-слесаря (семья дружно презирала слесаря. И невестка Рая, и бабука в этом случае сходились во мнениях, называя слесаря «замухрышкой», «деповским замухраем») родился сын Юрий. В конце пятидесятых он приезжал в Харьков к двоюродному брату. Был он низкорослый, испуганный и провинциальный. Позднее он, утверждают, вырос и стал вполне приличным плодовитым отцом семейства. Мир и процветание его дому.

Существовал еще секретный дядя Антон. Упоминался этот Антон всего несколько раз. Сказано было лаконично (не ему, о нет, не сыну), что Антон «был раскулачен». Но был ли он жив или давно умер, было неизвестно из сообщения. Отцу и матери мальчишки, по всей вероятности, была известна дядина судьба. Был ли дядя Антон братом Веры и Пани или же братом Ивана Ивановича? Был ли это Антон Иванович Савенко или Антон Борисенко? Дядя Антон мог повредить или повредил отцовской военной карьере или продвижению его по службе в войсках НКВД? У поколения Раисы и Вениамина было множество секретов.

Его еще не было, а уже произошло столько событий и столько людей уже разнообразно передвинулись по территории страны, чтобы он появился. Столько мужчин и женщин уже любило друг друга, чтобы он существовал. И уже жили секреты — мелкие, средние, крупные. Например, история с хинином и малярией. Близорукость в нем обнаружили много позднее, уже в Харькове. Обнаружение близорукости связано со школой. Именно когда он пошел в школу, мать сказала ему: «Когда я ходила беременная тобой, Эдик, я болела малярией и меня морили хинином».

Влияет ли хинин, глотаемый матерью, на зрение младенца, находящегося во чреве матери, автору неизвестно. Но то, что хинин принимался как средство искусственного прекращения беременности, ему известно. Может быть, оба родителя или один из них не желали его появления на свет? О нет, он ни в коем случае не собирается винить родителей ни в близорукости своей, ни в попытках оборвать его жизнь (если его подозрения оправданны) в зародышевом еще виде. Он далек от фрейдистских объяснений поведения взрослого человека вниманием или нелюбовью, оказанными ему в детстве родителями. Человек сам по себе и в значительной степени выбирает свое поведение, твердо верит автор, но «прайвит детектив» в нем не унимается. Секреты, секретные дяди, темные периоды жизни родителей — вот что ему подавай. Однако то обстоятельство, что оба его деда родились в крестьянских семьях, ему улыбается. Получается, что он от земли-матушки, кормилицы (эти ласковые прозвища земли ему нравятся, несмотря на фольклорную банальность их) всего через одно поколение отстоит. Может, поэтому в нем, потомке волжских и воронежских крестьян, куда меньше саморазрушительной нервности, чем в потомственных интеллигентах? Беспокойство передается по наследству?

Эпоха заставляла Вениамина и Раю скрывать «раскулаченного» дядю и «сумасшедшего» брата. И именно она заставляла мать и отца упрямо твердить: «Мы русские, мы русские...», в то время как в свидетельстве о рождении, полученном их сыном вторично (уже в городе Париже), четко записана национальность отца — «украинец», а матери — «русская», да. Может быть, именно поэтому не хотят они до сих пор никаких осетинских царских офицеров в предки, не берут, отказываются. Мать пишет, что бабка Вера «наплела тебе черт знает что (она, должно быть, еще в ту пору чокнутая была). А ты все ее бредни принял за чистую

монету». Бабка в свое время произвела на пятнадцатилетнего мальчишку впечатление энергичной и совсем неглупой бабки. И то, что она «все мечтала быть барыней, да только это были одни мечты, барыни-то из нее и не вышло», внуку откровенно нравится. Бабка была, кажется, наделена куда более сильным темпераментом, чем другие кровники, и желала из ряда вон выходящих вещей. Внук, может быть, образовался из отдельных деталей, унаследованных от нескольких личностей: из хулиганской татуировки мамы, из мечты бабки стать барыней (подняться по социальной лестнице), из дядиюриных гирь и его этого совершенно нарциссически-наивного «Ах, какой я красивенький!» плюс одинокий полубрат Борис с ружьем и пчелами.

Единственный приезд бабки на Поперечную, 22, в Харькове вспоминается внуком с некоторым трудом. Ввиду дистанции в тридцать лет. Напрягшись, можно, однако, вспомнить востроносенькую бодрую худую бабку в платье в мелкий горошек, платок был завязан сзади таким образом, что на затылке торчали два уголка. Бабка привезла ему красный заводной мотоцикл с коляской и пакет вареных раков. Выгрузив красные гостинцы из чемодана, бабка обнаружила, что внук — здоровый лоб, и, может быть, ему следовало бы подарить уже пачку презервативов. (Фу, какая грубая шутка...) Внук насмешливо покосился на бабку, мать не преминула (старая вражда: «Она продала полдома и не дала сыну ни копейки!») уколоть свекровь: «Да вы спятили, бабушка, Эдик-то большой совсем парень! Поздно ему с игрушечным-то мотоциклом возиться...» Оплотность была, однако, скоро забыта, и он с большим интересом принялся за наблюдение над первым в его жизни живым родственником. (Все это в одной комнате.) ...Объединила его с бабкой общая их любовь к чаю. Сидя друг против друга за большим круглым столом в центре комнаты, они чинно тянули в себя чай и беседовали. Бабка

наливала чай в блюдце, сахар — кусочек рафинада — откусывала, а не клала его в чай, за чаепитием забавно отставляла в сторону палец-мизинец. Мать посмеивалась скептически, утверждая, что это барские замашки бабки выходят таким образом на поверхность сегодняшнего дня из прошлого. Мать поглядывала на пару ревниво и с подозрением. «Старый и малый» — назывались бабка Вера и Эдик.

Вот тогда-то, среди прочих историй, бабка поведала ему об имении генерала Звягинцева, сотнике-осетине и экономке, «твоей, Эдинька, прапрабабушке...». Прочие истории он забыл, но осетина-сотника и генерала запомнил. И экономку. Вся компания показалась ему экзотической. Когда же ему, в его собственной жизни, встретилась американская девушка-экономка (хаузкипер) и оказала определенное, очень, кстати сказать, благотворное влияние на его судьбу, он всерьез задумался о «семейной традиции» или безжалостном роке, бросающем мужчин его рода к экономкам. Жаль, что бабка приезжала только раз. Она была интересным фруктом, востроносенькая Вера Борисенко, для определения высшей степени качества чего-либо она употребляла, например, выражение «антик марес с подскоком!». Выражение великолепно, в нем слышатся отголоски французского языка провинциальных русских дворян, и добавленное аховое, цыганское «с подскоком!» делает его кошмаром лингвистов. И что такое «марес», если даже предположить, что «антик» имеет отношение к антикварному магазину. Бродившую уже в жилах поколения внука Эдиньки «новую» музыку (был переходный период от джаза к рок-н-роллу) бабка беззлобно называла «сипом-дергом». «Не слушай ты эти сипы-дерги, Эдинька, — ласково говорила бабка. — Наша, русская музыка-то лучше...»

Бабка считала, что внук бледненький. Виной этому — большой город. Имея характер практичный, бабка, однако, советовала внуку Эдиньке бороться против бледности

с помощью... одеколону. «На танцы идешь в клуб или куда в другое общественное место, так ты перед выходом в щечки одеколону-то вотри, они на улице и заиграют под ветром или, лучше того, на морозе... У мужчины щека должна гореть». Сама этого, разумеется, не зная, бабка Вера слово в слово повторяла заповедь японского монаха, бывшего самурая Йоши Ямамото, каковой советует в одной из глав «Хагакурэ» «всегда иметь при себе красное и пудру» и употреблять, если «ты обнаруживаешь, что твой цвет плох...».

Балбес и идиот, он стал интересоваться родственниками опять, уже когда большая часть их вымерла или находится в малосвязном возрасте... К тому же, недостижимые, живут они в СССР... Женская линия Савенок чрезвычайно долголетняя, бабка Вера жива до сих пор — ей 95 лет, прабабка же Параня дожила и вовсе до 104 лет и умерла лишь оттого, что, ослабев зрением, спускаясь в подвал (служивший ей холодильником), оступилась и упала. Прабабка отличалась исключительной независимостью, жила одна — полуслепая, отказываясь от помощи даже после того, как осушила бутылку чернил, приняв их за вино. (Предмет семейной потехи...)

Фонарик прошелся по ногам мамы, в чулках и туфельках, по старому дереву лестницы в городе Дзержинске. Может быть, в это самое время редкие «мессершмитты» из низовьев Волги поднялись выше и показались внезапно из низких туч. И стали выбрасывать на город бомбы. В кинохронике возможно увидеть, как раскрывается такая цепкая штука под брюхом самолета — бомбодержатель, похожий на разрезанную бутылку, и бомба летит вниз на город, на строения и пешеходов. Позднее папа Вениамин учил сына: «Если ты видишь, что она падает прямо над тобой, тебе как бы на голову, можешь быть уверен, что она в тебя не попадет». Война к тому времени давно кончилась, но, может быть, он думал, что сыну понадобится его отцовский опыт, что будет новая война?... Девушка и солдат прижались

друг к другу при большом взрыве, отец потушил фонарик... Через закамуфляженное окно лестничной площадки видны были всполохи бомбовых разрывов. Воронежские, донские предки взяли за руку волжских. Они поцеловались.

Вот так он начался. Со встречи девушки и солдата и луча света. Да здоровствует фонарик, да здоровствует электричество, кто бы его ни придумал: отечественный Яблочков, заставляющий вспоминать о коне в яблоках, или далекий Эдисон, вечно сонный американский мистер Эди.

Солдат и девушка

Трудно сказать, как все развлекались в ту зиму с 1941 года на 1942-й. Может быть, когда другая смена солдат и девушек заступала каждый на свой пост, они шли в кино и смотрели фильмы, где девушки с плечами, ворочая зрачками, произносили трагические монологи. Поскольку американцы числились в союзниках, в кинотеатрах разбомбленной и всякий день уменьшающейся территории России показывали сплошь американские фильмы. Своих фильмов производили немного, не было средств и времени. Всяческие «Девушки моей мечты» и что там еще занимали экраны. Как следствие, по улицам русских городов расхаживали стаи Марлен Дитрих и Грет Гарбо. Судя по тому, что отец его боялся алкоголя в пятидесятые годы, боялся он его, очевидно, и в сороковые. Мать также как будто не отличалась любовью к алкогольным жидкостям. Это все говорится к тому, что солдат и девушка, наверное, не выпивали, а если и пили, то немного.

Ситуация на фронтах была хреновейшая. Похоже было, что России пришел конец. Немцы, после декабря 1941 года плюнув на Москву, оставили у Курска подкову своих дивизий и нажали на Дон, поперли на Крым и Северный Кавказ. Пал пред немцами Харьков, тогда еще никакого отношения к персонажам этой семейной хроники не имевший. Напрягши жилы и вены, организм России сопротивлялся насилию, трещала шея России, хребет и глаза вылезали из орбит... Кто им виноват? Немец, конечно, виноват, проклятый. Факт. С Гитлером во главе, упоенный собою немец попер распространяться во все стороны из Германии... Огнем тек и к голландским дамбам, и к парижским мостам, и в польскую скудную степь, и в богатую Украину — тек германский огонь. Но сами они

тоже виноваты. Смертей могло быть меньше впятеро. Вчетверо меньше. Не надо было быть распиздяями в тридцатые годы, но готовиться к войне. Все ведь тридцатые население, объединенное во фракции, дружно и упоенно изничтожало само себя. Опомнились, а враг пришел не худым троцкистом в очках, не новым бритым колчаком, но чужеземцем, с дисциплинированным в четкую машину немецким спортивным юношеством. Растерянные, не ожидали, бросились спасать себя и живую, трепещущую географическую территорию... Теперь всю ответственность валят на голову Грузина, дескать, свихнувшегося от собственной власти. А сами-то куда смотрели? Почему во всей нации не нашелся никто, не убрал Грузина, не пожертвовал собой для отечества, не выпустил ему в грудь восемь пуль из маузера, если так уж он был вреден? Ну да, пришел бы другой, но другой был бы другим. Ведь после смерти естественной Грузина пришли его же люди к власти, однако не те уже люди. Грузин был виноват в том, что хотел вести себя как государственный деятель, но должность была ему велика, слишком велика. Автор не видит в нем монстра или злодея, он лишь знает, что сыну сапожника, экс-семинаристу, было от чего охуеть, оказавшись во главе гигантской вдруг державы. Так и корсиканец, сын Летиции Буонапарте, все же прибывший из вышестоящего социального слоя, был загипнотизирован своей собственной судьбой. Вот в чем состоит опасность, когда люди из низших социальных классов приходят на Кесарево место. (Вы монархист, автор? Нет, отнюдь!) Ошеломленные расстоянием от пункта А до пылающего пункта Б, они принимают себя за Богов...

Все были виноваты, что 22 июня 1941 года оказались неспособными задержать немецкий огонь. На холодных равнинах, в холодных лесах миллионы серых шинелей согревались, хмурые, у костров, в ледяную грязь были разъезжены дороги. Приостановленный зимой-матушкой, было ясно, что поползет с наступлением теплоты немецкий огонь

по русской земле дальше на восток. Вспомнили старики прежние немецкие нашествия. Последнее, еще свежее, — 1918 года. А до этого... опускалась ищущая думка солдата в седые глубины веков до самого 1242 года, до победы над тевтонскими рыцарями на льду Чудского озера. В ту зиму вспомнили о белокуром князе Александре, ровно за семьсот лет до этого остановившем тевтонов. И учредили орден Александра Невского. И сделали фильм. Помогло? Вначале нисколько. Не орденами и фильмами останавливают дивизии. Попер уже в мае немец напрямик в Крым, на Кавказ и на Волгу. Но, стоп, товарищ, потому что именно в мае зачат был солдатом и девушкой сын...

Это исключительное счастье, что отец его не оказался на фронте. Почему он не оказался на фронте? По простой причине, что, будучи мобилизован в 1937-м, в момент, когда могущественность Народного Комиссариата Внутренних Дел достигла зенита, отец был взят в войска НКВД. (Памятью о тех славных годах в семье долгое время существовала фарфоровая солонка с зелеными буквами «НКВД» на ней, подчеркнутыми двумя красными линиями.) Выбор НКВД объяснялся тем, что к 19 годам Вениамин уже был своего рода специалистом в электротехнике. Еще подростком он собирал радиоприемники, окончил курсы киномехаников. Существует фотография юного отца: улыбаясь, он висит на верхушке телеграфного столба, среди фарфоровых белых изоляторов. На ногах отца — железные рога «кошки», это с их помощью отец забрался на столб. Как феодал имел право первой ночи с невестами вассалов, НКВД обладал никем не оспариваемым правом выбирать себе лучших допризывников. Так электротехник из Воронежской области попал в войска НКВД. И оставался в них двадцать восемь лет.

Солдат был красивый. Красивый тонкой, интеллигентной красотой, казалось бы, не принадлежащей, не долженствующей принадлежать юноше из небольшого воронежского

городка. На одной из фотографий трое: Вениамин, Юрий и Аля — у отца очень современная (на 1987 год) прическа, крупной волной темные волосы над лбом, темная куртка распахнута, обнажая красивую шею. Прямой нос (предмет постоянной зависти курносого, в мать, сына), деликатные, не крупные и не мелкие черты лица. В сочетании с музыкальной одаренностью (он пел и играл на гитаре, но также умел управляться с пианино и прочими инструментами и даже сочинял музыку) можно себе представить, что он производил на девушек впечатление. Ладная, тонкая фигурка, среднего по тем временам роста метр семьдесят два. Есть фото солдата Вениамина Савенко у знамени дивизии. Отец-юноша стоит, тоненький, красивый, почему-то еще в буденовке, восторженно вытянутый вверх, похожий на до-революционного юнкера. Лишь лучших солдат фотографировали у знамени дивизии.

Девушка, недаром Казань, столица Татарской автономной республики, совсем рядом, похожа была на татарку. С возрастом татарскость чуть растворилась, но видна простым глазом и в костяке лица, и в цвете, скорее желтом, кожи, и в хрящеватом, чуть поднятом вверх кончике носа, и в пропорциях тела. Сын помнит, что мать умела считать по-татарски, и даже он вспоминает смутно все эти экзотические «бер», «икэ», «дур», «биш», завалившиеся в детстве в уголки памяти, как клочки бумаги и трамвайные билеты проваливаются в дыры карманов, за подкладку... Позднее отец называл мать по-домашнему ласково «татаро-монгольским игом». Сын, уже в Нью-Йорке одно время предававшийся любовным радостям с девушкой, отец которой был настоящий монгол-степняк из Монгольской Народной Республики, не раз замечая в движениях девушки, в ее поведении и характере нечто неуловимо знакомое, вдруг догадался, что она напоминает ему мать. Вставая с супружеской постели, мать проходила мимо его, мальчишки, кровати,

какой-то особой, присущей им, татаро-монгольскому игу, степной походочкой. Следуя семейной традиции, он стал называть свою девушку «татаро-монгольским игом».

Мать не может сказать, когда, на каком именно этапе татарская кровь проникла в жилы Зыбиных и татарские кости стали попадаться в их скелетах, но и то и другое — неоспоримые факты, хотя у сына Раисы Зыбиной видимого татарства — цвет кожи да строение тела. Желтый, даже если на него годами не попадает солнце, торс его длиннее и мощнее ног. В том человеческом котле в районе Нижний Новгород — Казань народ взаимно портил расы, бурлил спокон веков, кипя племенами, и если юноша из татарской деревни переспал с чужой женой из русской, то кто это мог доказать? Да кто бы и стал доказывать? Когда в семье семеро детей, то станешь ли вглядываться в каждого до потери сознания? У крестьян было достаточно забот и без этого. О матери матери ничего не известно. Может быть, она была татаркой? Однако верно и то, что у деда Федора и его дочери однотипные квадратные лица, так что, очевидно, не в матери матери дело. Раиса родилась в городе Сергач. А что такое город Сергач, находясь в Париже и не имея доступа к Волге, сказать трудно. Может быть, ходят там по улицам сплошь Чингисханы в шароварах? Поди знай... В 1970 году сын Раи Зыбиной будет жить в Москве, в доме на Садовом кольце, у Красных Ворот. (В подвале этого дома была создана в тридцатые годы первая советская ракета. Предание утверждает, что ракета была отвезена Королевым и его друзьями на испытания за город в... трамвае.) Так вот, в одной квартире с сыном Раи Зыбиной окажется живущей татарская дворничиха с мужем и ребенком. Большая, молчаливая, краснолицая тетка с сердитым лицом. (В Москве большинство дворников были во все времена — татары.) Узнав о том, что мать соседа родилась в Сергаче, дворничиха почему-то очень обрадовалась, и с тех пор сын Раисы Зыбиной попал в друзья

к дворничихе. Каждый раз, когда краснолицая тетка пекла беляши, то есть специальные татарские пироги с бараниной, несколько штук доставались соседу и его подруге того времени, еврейской женщине Анне Моисеевне.

Девушка зачала его и, если подозрения обоснованны, пыталась избавиться от плода таким же радикальным способом, как впоследствии пыталась избавиться от татуировки, — наглоталась хинину... А может быть, она действительно заболела малярией? Однако автору кажется, что для того, чтобы заболеть малярией, следовало спуститься много ниже, к Каспию, к болотам дельты Волги, где самая что ни на есть малярийная атмосфера... Если автор ошибается и зря катит бочку на свою маму, то пусть его покарают соответствующие мелкие боги. Солдат и девушка наверняка не знали, что же делать, жить ли вместе, иметь ли ребенка... Может быть, они собирались и обсуждали проблему. Может быть также (и очень похоже на это), что красивый солдат, заделав девушке ребенка, гулял с другими девушками. Ему было 24 года, и, хотя народ в войну вырос раньше, нет никаких указаний на то, что Вениамин собирался жениться. Копаясь в бумагах своих родителей много позже, сын вдруг (с удовольствием!) обнаружил, что родился «незаконнорожденным». По каким-то особым, известным только им причинам родители его зарегистрировали брак только в 1953 году. Следовательно, первые десять лет жизни он просуществовал как бастард. Короче, плод был, а брака не было.

Пока все это происходило, немцы, не остановленные, перли на восток. Утверждают, что оккупанты, расстегнув мундиры и обнажив шеи, чтобы легче было горланить, уже переделали русскую песню:

Волга-Волга, мать родная,
Волга — русская река... —

в немецкую и, сидя на броне танков, прущих на первой скорости по нашим степям, орали:

Вольга-Вольга, мутер Вольга...
Вольга дойчланд... что-то там...

Второго июля 1942 года пал Севастополь. Немецкий огонь залил Северный Кавказ. И тевтоны вышли к Сталинграду! Плод любви солдата и девушки уже ворочался в девушке. Желал выйти в негостеприимный мир. Если бы мужчины его народа не собрали все имеющееся у них мужество, вышел бы он в мир рабства.

В ноябре война опять, как и в прошлую зиму, замерла в движении. Нужно было воспользоваться последней отсрочкой перед последним прыжком врага к горлу России. И позвали народ. Народ, не появлявшийся на исторической сцене со времен гражданской войны, вдруг вывалил на нее. И вывалил в несравненно большем количестве и составе. Никогда не спускавшиеся с гор народности спустились с гор, никогда не выходившие из азиатских жарких долин вышли из них, никогда не сходявшие с лыж сошли с них, степняки бросили стада, оседлые племена — землю. Пришли все народы, входившие в состав Союза, до сих пор плохо понимавшие, а для чего им этот Союз. И вот теперь Союз только и мог спасти. Сами, одни, Россия, и Украина, и Белоруссия не смогли остановить врага, и вот позвали Союз Советских...

Враг был зол и жесток. На Востоке, где отсутствовали грандиозные архитектурные памятники, мосты, дамбы и башни, не было видимо глазу того, что на Западе понимается под словом «цивилизация», немецкие юноши чувствовали себя воинами Александра, вторгшимися к диким племенам. Богами видели себя. С варварами из размокших в грязь степей не церемонились. С низшими расами. Даже

более или менее уравновешенный журналист Курцио Малапарте писал о русских пленных (он видел их на Ленинградском фронте, в Финляндии) как о щуплых, малоразвитых, низкорослых и запуганных, уступающих прекрасными финским юношам. Заметим, что пленные всякого народа представляют собой грустное зрелище. Бравых пленников увидеть невозможно, и вернемся к статистам, высыпавшим на историческую сцену, к народу.

Они явились на сцену вольно и невольно. Ну да, пришли и невольно. Да, бритые старые комиссары ездили по горным аулам, порой силою забирая молодых мускулистых азиатов. В тех обстоятельствах быстрее было взять, мобилизовать, а уж потом объяснять. Забрасывали в солдаты насильно, и правильно делали. Забрасывали в сибирских деревнях и в чукотских поселениях. «Надо!» Речь шла о спасении всех. «Надо!» Под слезы таджикских, казахских, сибирских матерей.

Россия и все союзные ее племена собирались в тугой кулак у Волги. Город, которому дали имя Грузина, вернее, псевдоним его, сдавать было нельзя. Было сказано, что нельзя, потому что этот город посвящен Грузину и он его защищал в гражданскую войну. Опять-таки Грузин тут не так важен. Даже и хорошо, что был такой Грузин, которого одни боялись, другие обожествляли почти, третьи ненавидели, но боялись. Кесарем быть — дело сложное. Никогда не знаешь, что подставить народу, какой имидж — профиля или фаса. И никто Грузина быть Кесарем не учил. В любом случае он оказался, ему посчастливилось оказаться вождем народов Союза Советских в самый героический период их истории. Хотим мы того или не хотим. И он справился с задачей, следует признать, что неплохо. Иногда он достигал высот, сравнимых разве что с бронзовым жестом римских цезарей. Чего стоит, например, его величественно-бесчеловечное и героическое, отрывистое по поводу предложенного тевтонами обмена пленного сына

Якова на фельдмаршала Паулюса: «Я солдат на фельдмаршалов не обмениваю!» Так он им бросил. Я думаю, они его зауважали...

В 1942-м было хорошо, что есть фокус, в котором собирается вся (для тех, кому нужен один символ) решимость и необходимость Союза... Кулак стягивался у Сталинграда. Новые орудия и танки ночами ехали молчаливые, двигались с новых сибирских и уральских заводов к Сталинграду. И снаряды, и бомбы, сделанные дзержинским заводом и мамой, прибавлялись к общему делу. Сложились в общий штабель.

Он был беспокойным младенцем. Он ударял в маму ножками и ручками изнутри. Стучался с ноября. Декабрь, январь — уже не орудиями, но личным оружием, дом на дом, улица на улицу, уничтожали друг друга тевтоны с союзными племенами и русские с их ребятами в Сталинграде. И не перевешивал никто. А ребенок рвался из мамы, брыкался в ней, мешая ей производить снаряды. Может, он хотел помочь нашим. Она упала в обморок на заводе.

За двадцать дней до появления ребенка на свет Божий, 2 февраля 1943 года, Шестая армия фельдмаршала Фридриха фон Паулюса капитулировала. В первый раз зазвучал для племен Союза победный марш басистых труб. Так что он родился уже ребенком победы. Зачатый в грустном мае поражений, он родился в победном ликовании. После капитуляции Шестой армии, в феврале же, нашими был взят Ростов. Дорогой ценой. Тевтоны, нужно всегда воздавать должное врагу, были хорошими солдатами. И даже ведомый ложной, с точки зрения современности (на 1987 год), идеей национал-социализма, немец дрался как зверь.

Четвертого марта 1943 года по снежной улице, закутав дитя в свободную солдатскую шинель, понесли они его записывать в живые. Солдат поскрипывал по снегу сапогами, и девушка, в шубейке из чего-то, называемого «цигейка»

(впоследствии она была переделана в шубку сыну), была в цветном платке, на косы брошенном (кос, впрочем, не было уже, были волосы рассыпчатые, которые отец в пятидесятые годы, смеясь, называл рыжими). Понесли они время от времени взвизгивающее десятидневное дитя в дом, где помещалось учреждение, длинно называемое «Отдел записей актов гражданского состояния Дзержинского городского Совета народных депутатов Горьковской области». И (спросив или не спросив у солдата и девушки свидетельство о браке?) записали ребенка под именем Савенко Эдуарда Вениаминовича.

В те времена народ больше все погибал, рождались мало, поэтому по дороге в загс, в загсе и из загса встреченные русские, татары и кто угодно улыбались ребенку, выставившему десятидневную физиономию в волжское небо. Настроение у народа поднималось каждый день, ибо наши войска, пусть и по нашей еще территории, но топали неуклонно на Запад. Бог войны изменил тевтонам, предпочел нас, и мы радовались этому. Новый ребенок — было хорошо. Вряд ли уже тевтон доберется до этого ребенка. Плюс солдатский ребенок — хорошо. Солдат входил в моду, в почет. Недавно еще солдата жалели. Теперь он ступал твердо.

Почему такое имя вдруг? Виноват солдат. Он зачитывался в те дни Эдуардом Багрицким, «революционным поэтом-романтиком», как его называют литературные словари и энциклопедии. Впоследствии сын его набрел на стихи Багрицкого, и стихи ему понравились.

По рыбам, по звездам проносит шаланду,
Три грека в Одессу везут контрабанду.
На правом борту, что над пропастью вырос,
Янаки, Ставраки, папа Сатырос...
А ветер как гикнет, как мимо просвищет,
Как двинет барашком под звонкое днище... —